

Жизнеописание одной мысли

I

Мысль родилась в тихое июльское послеполудня. Вокруг Мысли кружили садовые дорожки. Ветви тянулись из стволов в небо. Глянув сквозь зрачки мыслителя в мир, Мысль увидела: прямо перед нею за плетением ветвей – каменная стена; сверху – полукруглый сводчатый скос лобной кости. Рождение Мысли произошло в тот момент, когда старый мыслитель, поднявшись, сделал тринадцать из четырнадцати заранее отмеренных от скамьи до скамьи шагов, отделявших место размышлений от места, на котором лежал аккуратно сложенный вчетверо носовой платок. Мыслитель считал движение чрезвычайно полезным здоровью и всегда, прежде чем позволить себе застыть на одной из скамей садика – с ладонями, упершимися в колени, с челом, наклоненным к земле, – он обыкновенно клал в четырнадцати шагах от себя на край соседней скамьи носовой платок. Итак, отшагав тринадцать шагов, философ протянул было руку к платку, но в этот-то миг и возникла мысль: "Звездное небо надо мною – моральный закон во мне". Рука, точно ткнувшись в Мысль, повисла в воздухе: все – стена, деревья, белое пятно платка, солнце, земля, листья, скамьи, – все, до последнего луча и блика, вывалилось из зрачков: был – Мыслящий и Мысль, и ничего меж ними. На пыльно-голубоватом небе в полдень не гореть звездам: но сейчас, волею Мысли, они зажглись и сияли изумрудными пожарами на своих сомкнутых орбитах; каменная ограда садика, безлюдного, с путаницей кружащих и возвращающихся в себя желтых дорожек, с калиткой, закрытой на ключ, делала излишним присутствие какого бы то ни было морального закона, но одним толчком глаз философ разомкнул ограду садика, бросив ее к пределам мира: рванул путаницу дорожек – и вдруг раскружились в пути: широкие, узкие, торные, битые и заросшие терном – из близей в даль.

Длилось это секунд десять.

А затем звезды снова задернуло голубовато-пыльным днем. Ограда садика опять сомкнула свои кирпичи, а пути свернулись в дорожки и покорно легли под подошвы мудрецу.

Белый же комок платка, развернувшийся было гигантской сквозистой млечной тканью, опять сдернулся вниз и, собравшись комком, лег, как лежал до, на доску скамьи, деревянные ноги которой еще чуть дрожали после безумно быстрого бега туда – в беспредельность, и обратно – в садик мудреца.

После происшедших сдвига и вдвига старый философ благополучно дотянул руку до платка, тщательно вытер им нос и вернулся на прежнее место.

II

Первые дни земной жизни Мысли были лучшими ее днями: осмотревшись под просторным костяным сводом черепа, Мысль увидела себя среди огромного, на диво сдуманного и слаженного мирозерцания. Глянув было под чуть поднятые веки наружу, в мир, Мысль откачнулась назад: в мирозерцании куда лучше, чем в мире. Оттуда из мира, гляделось короткое, от горизонта до глаза, пространство, сплошь загроможденное вещами. Здесь – в мирозерцании – раскрывалось чистое, не грязненное вещью пространство: оно давало просозерцать себя насквозь – от безначальности до бесконечности. В мире (хотя бы здесь, на стене) у глаз ползают по циферблатному диску секунды, на столе раскрыт "Лейпцигский всеобщий календарь", и никому не отпущено сразу больше чем по одной секунде. А в мирозерцании: ниоткуда не идущая, никуда не уходящая вечность.

Понятно поэтому, что, когда через два дня после случая с носовым платком мыслитель, сев к рабочему столу, положил перед Мыслью, меж двух зажженных свеч, лист чистой бумаги, та отпрыгнула назад: "Не хочу в буквы". Но старик делал свое. Борьба была недолга, хоть и упорна: Мысль выскальзывала из-под пера, выпрыгивала из слов и путала буквы. Но старик, перечеркнув, расставлял их по-новому, пока наконец ему не удалось, изловив Мысль в расщеп пера, притиснуть к бумажному листу. Печальной черной строкой лежала Мысль перед усталыми слезящимися глазами старика: "Возьми меня назад".

Старик задумался. Он не любил отдавать другим свои слова: перо уже потянулось к Мысли, миг, – и чернильная черта навсегда бы укрыла ее от чужих любопытствующих глаз. Но в это время стенные часы начали бить одиннадцать. Философ не позволял себе засиживаться позже этого часа – ни на секунду, с первым же ударом часов он отложил перо, задул одну из свечей и, держа